

Шунейко А. А. РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ. – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2009. – 112 с. РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ-2. – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2011. – 128 с.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ. – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2009. – 112 с.

РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ-2. – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2011. – 128 с.

I. M. REVITCH. BIROBIJAN DREAMS. – KHABAROVSK: "PRIVATE COLLECTION" PUBLISHERS, 2009. – 112 p.

I. M. REVITCH. BIROBIJAN DREAMS-2. – KHABAROVSK: "PRIVATE COLLECTION" PUBLISHERS, 2011. – 128 p.

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Linguistics and Intercultural Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Современный мир с последовательностью самоуверенного маньяка стремится все расставить или даже растащить по строго определенным функциональным ячейкам, отчетливо напоминающим камеры. Здесь и сейчас нужно глубокомысленно молчать. Там и потом необходимо сосредоточенно бурить землю. Тут и завтра следует правдоподобно весело смеяться. Такое раздергивание покушается на целостность бытия и членит единое живое существо на совокупность довольно убогих проявлений.

Спасает от фатального расчленения, заставляет помнить о единстве сущего художественное творчество в его истинных проявлениях. Прекрасный пример такого стабилизирующего фактора – две изящные книжки доктора философских наук И. М. Ревича. И философского, и художественного тут в избытке. Но больше всего искреннего и истинного. Больше всего настоящего вне скучных жанровых рамок и унылых литературных направлений, вне ангажированности и распространенных попыток станцевать с читателем какой-нибудь танец (с саблями или стриптиз – как кому больше нравится).

Автор рассказывал, что книжки создавались в неторопливых научных бдениях: нужно отвлечься от статьи, и он переходит в иной формат. Очевидно, что не все можно изложить в рамках ученого труда. Глубинные категории и тонкие переходы сущностей сложно поддаются формализации. Да и не всегда нуждаются в ней. На границе между аналитическим и эстетическим возник удивительный сплав, средоточие художественных форм, в которых содержательная глубина и внешняя легкость настолько уравновешены, что даже агрессивная поступь массовой культуры не в силах их поколебать. Получилась созданная в своей многомерности реальность процессов, где физический и духовный планы сплетены в ткань зыбко мерцающей лунной дороги на поверхности спокойной реки.

Такое видение дается только светлому позитивному взгляду. Одновременно сосредоточенному и рассеянному с такой степенью фокусировки, которая позволяет воспринимать целое через детали и видеть за деталями целое. Автор обладает таким взглядом. Потому его духовные озарения носят внешне неброский характер, а компоненты реального мира сплете-

ны с движением мысли. И все это предстает в замедленном темпе, неспешность которого оборачивается бешеным галопом.

Спокойные интонации предполагают эмоциональную вовлеченность. Автор ничего не декларирует, не доминирует над читателем, не отсылает его к лозунгово обозначенным ориентирам. Он ведет доверительный разговор, предлагает прислушаться. Его голос звучит в хоре природы. Но главное можно расслышать без усилий, потому что главным оказывается практически всё.

Особый медитативный план и исповедальные ноты позволяют воспринимать тексты не как простой информационный поток, а включаться в них, присоединяться к ним, растворяться в них. И сквозь время проступают образы без границ и иерархий.

Перед нами как в окне неторопливого вагона медленно ровно с такой скоростью, чтобы можно было разглядеть и запомнить важные детали, проплывают: городской парк, ящик под окном общественной бани, двор дома, берега рек и океанов, картофельное поле, заводской цех, барак, кафе в Гавре, мерзлая тундра, Северный морской путь, деревянный клуб. Глубинная тождественность этих внешне различных пространств создается заинтересованным авторским видением и единством населяющих их существ.

Собеседниками, соучастниками и со-зрителями в авторском действии оказываются не только мама, Витек, Валера, Алеха, Хаим, вахтеры-виртухаи, попутчики, городские чудики, Люся, крылатое железо старого паровоза, теплая корова, но и Лем, Розанов, Шопенгауэр, Гете, Блок, Эйнштейн, Лобачевский, Мандельштам, Шекспир, Кант, Ван Гог, Заболоцкий, Галич, Бог и многие другие. Здесь нет главных и второстепенных. Тут важны все. И все в эсхатологическом измерении едины.

Они включают повествование в калейдоскоп судеб, надежд и идей. Вернее, опрокидывают его в длительность внешнего взгляда, пронизанного жаждой постижения, энергией постоянного узнавания. Все вместе выводят текст на такой уровень обобщенной исповедальности, какой доступен только светлому мудрому восприятию. Только строгому аналитику, вооруженному свободным художественным методом, разрушающим примитивный анализ.

При всем внешнем сходстве с Бабелем и Шолом-Алейхемом с их искрящимся юмором ближайшим для Ильи Ревича собратом по перу является Бруно Шульц. Именно его отношение к времени и пространству полно реализовано в текстах Грёз. Взаимная проницаемость временных планов при четко заданной определенной неопределенности пространства создают конгломерат вечно текущих смыслов, у которых есть конкретные адреса, но их столько, что попытки обнаружить единое или только одно подобие обречены на улыбку автора и хохот Высших сил. Взаимное перетекание одного пласта в другой рисуют слитный и в то же время разорванный и разметанный по своим сходящимся противоположностям мир.

Мир, в котором завтра произошло еще до вчера, а сегодня осуществится только в далеком будущем. Мир, в котором то, к чему ты идешь, уже давно пройдено, а до того, что пройдено, еще предстоит добраться. Мир, где запахи перепревшего навоза смешиваются с пьянящим ароматом рождающейся женственности. Мир, где твои собеседники не могут понять тебя настолько, что нет нужды в словах, чтобы запечатлеть единство общей для всех мысли. Мир, где господствует оглушительное и многоголосое звучание благоговейной тишины. Тот самый мир, где «улица кончается Китаем».

В этом континууме даже и не разворачиваются, а с легкой непосредственностью наивного, а потому всезнающего ребенка затрагиваются темы судеб еврейского народа, становления души и духа, восприятия социумом иного, радости и горести, феноменологических констант, моральных перипетий и ложного классового чутья, счастья опрокинутого неба,

Шунейко А. А. РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ. – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2009. – 112 с. РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ-2. – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2011. – 128 с.

чести, дарованной радости, моральных терзаний, суровых законов жизни, утонченного эстетизма, мистики большой политики, фантазмагии космоса, теологической грусти.

На границе четкого и чуткого полусна, где пробуждение и засыпание слились в точке пленительного понимания сути, автор легкими прикосновениями созидает то, что было, и вспоминает о том, чего не было. Делает это в тональности шаловливого малыша, сбросившего с себя оковы всезнания как ненужный груз, препятствие к постижению истины.

«Биробиджанские грёзы» – удивительный образец медитативной прозы. Они пленительно безоценочны. До зубов вооружившись иронией, не щадя никого, включая самого себя, автор строит повествовательную канву с установкой: улыбаться всегда лучше, чем лить слёзы.

Книги понравятся и поклонникам философских штудий, и сторонникам бытовых описаний, и любителям закрученных сюжетов. Всё это в Грёзах есть. Малый жанр оказывается очень подходящей и благодарной формой. Тем более, что отдельные повествования складываются в единый поток бесконечного движения по граням отточенного кристалла.

Любимая философская идея И. М. Ревича – Космополис. Автор не только отстаивает её на научных конференциях, но, что гораздо важнее, этими своими двумя книжками реально закладывает фундамент града, творит улицы и площади, разбивает его парки, населяет его жителями. Он архитектор и строитель, заботливый садовник и рассудительный дворник. Такая универсальная позиция дает ему широту взгляда. Грани между реальностью и символом стираются, вернее, отодвигаются в ту сияющую сферу, где царят иные оценочные шкалы, где господствует спокойный добрый взгляд мудрого ребенка. Ребенка, который знает все в силу именно того, что он ничего не знает. И формальное знание смущенно умолкает, оказавшись рядом с результатами медитативного постижения сути бытия.